

© 2013 г.

М.Ю. МЯГКОВ

ПРОТИВОБОРСТВО СТРАТЕГИЙ: КРАСНАЯ АРМИЯ И ВЕРМАХТ В 1942 году

ОБОРОНА КAVKAZA

Главные усилия в летней кампании 1942 г. верховное командование Германии сосредотачивало в направлении Кавказа (директива ОКВ от 23 июля 1942 г.). Оно замышляло силами группы армий “А” окружить и уничтожить советские войска, оборонявшиеся южнее и юго-восточнее Ростова, и овладеть Северным Кавказом. Затем группе “А” предстояло разделиться на две группировки: одной из них ставилась задача обойти Главный Кавказский хребет с запада, захватив Новороссийск и Туапсе, а другой – наступать с востока, захватив Грозный и Баку. Одновременно с обходным маневром намечалось взломать оборону советских войск в центральной части Главного Кавказского хребта и выйти в районы Тбилиси, Кутаиси и Сухуми. Выйдя в Закавказье, противник намеривался парализовать базы Черноморского флота, установить непосредственную связь с турецкой армией, 26 дивизий которой были развернуты у границы СССР, а затем продолжить наступление на Ближний и Средний Восток. План германской операции по захвату Кавказа, основной целью которой было овладение нефтяными ресурсами – месторождениями Грозного, Баку и других источников, получил название горного цветка с серебристыми листьями – “Эдельвейс”.

Для выполнения этих задач были предназначены войска группы армий “А” (командующий – генерал-фельдмаршал В. Лист), в составе 1-й и 4-й танковых, 17-й и 3-й (румынская) армий, части сил 4-го воздушного флота (167 тыс. чел., 4540 орудий и минометов, 1130 танков, до 1 тыс. самолетов). Этой группировке противника противостояли войска Южного фронта (командующий – генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский) в составе 7 сильно ослабленных в боях общевойсковых армий, насчитывавших 112 тыс. человек, 169 орудий калибра 76 мм и выше, 17 танков и 130 самолетов 4-й воздушной армии. Они держали оборону по левому берегу Нижнего Дона до Азова в полосе шириной до 320 км. На восточном берегу Азовского моря и Таманском п-ове были развернуты войска Северо-Кавказского фронта (командующий – маршал С.М. Будённый), которому подчинялись в оперативном отношении соединения Черноморского флота и Азовской военной флотилии; далее на юг до турецкой границы находились соединения Закавказского фронта (командующий – генерал армии И.В. Тюленев). В ходе развернувшихся боев часть сил, имевшихся у Будённого и Тюленева, передавалась другим объединениям, находившимся на острие вражеского удара.

На кавказском направлении советские войска не могли полностью подготовить оборонительные позиции в инженерном отношении. Они испытывали острый недостаток боеприпасов и горючего. Тем временем германские войска, перейдя 25 июля в наступление, быстро продвигались на юг. Форсировав Дон, они за двое суток продвинулись на 80 км. Их танковые и моторизованные дивизии вышли в задонские и сальские степи

Окончание. Начало см. в № 1 нашего журнала за 2013 г.

и на степные просторы Краснодарского края, создав угрозу прорыва в глубь Кавказа. По сути дела, у германского командования имелся замысел повторить на юге России тот успех, который год назад был достигнут ими при разгроме 6-й и 12-й армий в уманском котле. Моторизованные части вермахта превосходили стрелковые соединения РККА в подвижности и получали возможность обходить их, создавая капканы на пути отступления. Советское руководство, сознавая надвигающуюся угрозу, объединило войска Южного и Северо-Кавказского фронтов в один – Северо-Кавказский фронт под командованием Будённого. По приказу Ставки Будённый разделил свои силы на две оперативные группы – Донскую и Приморскую. Первая под командованием генерала Р.Я. Малиновского (51, 37 и 12-я армии) прикрывала ставропольское направление, вторая под командованием генерала Я.Т. Черевиченко (18, 56, 47-я армии и отдельные корпуса) – приморское. В ее задачу входила оборона Таманского п-ова и краснодарского направления. В конце июля войска Закавказского фронта, прикрывавшие частью сил границу с Турцией, приступили к занятию рубежей в северных предгорьях Кавказа по рекам Терек, Урух и перевалам Главного Кавказского хребта, а также к созданию многополосной обороны на направлении Грозный, Махачкала. Находившаяся в районе Грозного 44-я и только что сформированная 9-я армии были объединены в Северную группу Закавказского фронта (командующий – генерал-лейтенант И.И. Масленников).

Ставка и командование советских фронтов принимали все меры, чтобы задержать врага. Были взорваны плотины на р. Маныч – разлившаяся вода (шириной несколько километров), равно как и усилившиеся налеты советской авиации, не позволили группе “А” завершить задуманный план окружения. Общая военная ситуация на юге России также способствовала некоторой стабилизации положения Северо-Кавказского фронта. В связи с тем, что Паулюсу не удалось сходу прорваться к Сталинграду, верховное командование Германии повернуло 4-й танковую армию на восток, передав ее (без 40-го танкового корпуса) в состав группы “Б”¹.

Но враг, полностью владевший инициативой, по-прежнему был настроен на решительное наступление. Основная ударная сила группы “А” – 1-я танковая армия, использовав разрыв между 51-й и 37-й советскими армиями, в начале августа быстро продвинулась вперед на расстояние более чем 250 км. Противник неумолимо приближался к административным и промышленным центрам Северного Кавказа, в том числе к Майкопу – одному из ключевых объектов добычи и переработки советской нефти. Но немцы, стремившиеся захватить майкопские нефтепромыслы, были разочарованы – отступающие части РККА и подразделения НКВД сумели до такой степени разрушить скважины, что они не смогли быть отремонтированы даже спустя несколько месяцев после их захвата. О том, в какой критической и нервной обстановке происходили эвакуация и уничтожение оборудования сырьевых месторождений, вспоминал бывший в 1942 г. заместителем наркома нефтяной промышленности – Н.К. Байбаков, одновременно возглавлявший в то время специальный штаб при наркомате:

“В один из тех жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Неторопливо пожал мне руку, взглянул на меня спокойно и просто негромким, вполне будничным голосом проговорил:

– Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. – И чуть-чуть ужесточив голос, Сталин добавил:

– Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем.

Сталин не спеша прошелся вдоль стола и после некоторой паузы снова добавил:

– Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем...

Я молчал, думал и, набравшись духа, тихо сказал:

– Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945, в 12-ти т., т. 1. М., 2011, с. 257.

Сталин остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску: – Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Будённым думайте, решайте вопрос на месте.

Вот так, с таким высоким отеческим напутствием я был назначен уполномоченным ГКО по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе, а если потребуется, и в Баку”².

В ГКО была создана группа специалистов для проведения особых работ на промыслах Северного Кавказа. Было решено при приближении врага демонтировать и вывезти все ценное оборудование, второстепенные предприятия уничтожить сразу, но на богатых нефтью месторождениях вести работы до последней минуты. Задание Ставки и ГКО было выполнено. Страна получила горячее с майкопских нефтяных скважин буквально под носом у противника. А многие ценные промышленные объекты, как, например, Апшеронскую электростанцию, взрывали уже под автоматным и пулеметным огнем врага.

Общая ситуация на кавказском направлении в начале августа 1942 г. продолжала ухудшаться. Немцы смогли отбросить соединения левого крыла Северо-Кавказского фронта, где оборонялись 18-я и 56-я армии Приморской группы войск. Подавляющее превосходство в силах (в танках абсолютное) позволило 17-й немецкой армии быстро продвинуться на Краснодар, а 1-й танковой армии – на Армавир и Майкоп. Советские части отошли на левый берег р. Кубань, не смогли здесь закрепиться и продолжали отступление. Немецким войскам удалось 5 августа захватить Ставрополь, 10 августа – Майкоп, 12 августа – Краснодар и Пятигорск. Захват Майкопа означал, что противник может быстро прорваться через горы вдоль железной дороги на Туапсе, рассечь надвое Приморскую группировку советских войск. Ставка ВГК резонно опасалась, что падение приморского города Туапсе создаст ловушку для 47-й армии и всех сил в районе южнее Краснодара. Они будут либо уничтожены, либо попадут в плен. В последующем угрозе захвата – вплоть до турецкой границы – подвергалось все черноморское побережье СССР. Это привело бы к фатальным последствиям для всей обороны Кавказа, охвату главных группировок РККА на этом театре и возможной быстрой потере основных месторождений сырья, без которых продолжение эффективного сопротивления германскому агрессору было под большим вопросом.

Оборона Туапсе – города воинской славы России – стала одним из решающих моментов в обороне Кавказа. В течение нескольких недель героические защитники города сдерживали неоднократно превосходящие силы противника. Враг потерял на этом направлении более 50 тыс. солдат и офицеров, но так и не смог сломить советское сопротивление. Таким образом, попытка группы “А” сходу прорваться к побережью Черного моря (до которого оставалось всего несколько десятков километров) через предгорья западной части Главного Кавказского хребта успеха не имела.

Бои с 25 июля до 17 августа 1942 г. составили первый этап обороны Кавказа. Советские войска потерпели поражение и были отброшены от Дона и Кубани к западным предгорьям Главного Кавказского хребта. Однако постепенное наступление частей вермахта теряло темп. Выйдя к хребту, противник оказался перед новым препятствием, созданным самой природой. Война в условиях горной местности приобрела затяжной, но от этого не менее ожесточенный и кровопролитный характер.

Окупировав значительную территорию Кубани и Ставрополя, противник рассчитывал одновременно получить солидный трофей в виде масштабной эксплуатации ресурсов этого региона. Но широкие планы натолкнулись на жесткую действительность. Кубанская земля, которая дала в годы войны фронту около 1 млн. бойцов, буквально горела под ногами у оккупантов. Многие жители ушли в армию добровольцами – они воевали в том числе в прославленном 4-м Кубанском казачьем кавалерийском корпусе. Тысячи людей вступали в партизанские отряды и подпольные группы. Кубань стала местом дислокации Южного штаба партизанского движения, который координировал

² Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998, с. 64.

партизанскую борьбу на всей территории Кавказа. Несмотря на жестокие репрессии, кубанцы при первой возможности совершали диверсии, налеты на гарнизоны противника, уничтожали его транспортные коммуникации. На земле Кубани враг потерял 300 тыс. своих солдат и многие тысячи единиц различной техники. Немецкое командование применяло против бойцов сопротивления и простых граждан безжалостные меры подавления. На оккупированной территории края в годы войны были расстреляны, задушены газом, повешены 61 тыс. человек, и только в одном Краснодаре уничтожено 13 тыс., т.е. каждый десятый житель города³.

Чувство святой мести за горе, принесенное на их землю, в равной мере присутствовало у большинства населения северокавказских регионов, в том числе жителей Ставрополья. На фронт в годы войны было направлено 320 тыс. ставропольцев. В крае была развернута одна из самых мощных в стране госпитальных баз, а его продовольственные ресурсы снабжали действующую армию с начала и до конца войны. Мужество и героизм проявили воины-ставропольцы при защите Марухского, Клухорского, Санчарского и других перевалов Главного Кавказского хребта. Когда враг пришел на их землю, они вступали в партизанские отряды и продолжали бороться с оккупантами. 31,6 тыс. мирных жителей края погибли от рук захватчиков⁴.

Всего за первые пять месяцев Великой Отечественной войны на Северном Кавказе было призвано в армию 1,2 млн. человек – людей из наиболее работоспособной части населения, включая колхозников-механизаторов и трудящихся нефтеперерабатывающих предприятий. Свой воинский долг честно выполняли представители горских народов: аварцы, лезгины, даргинцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, черкесы, карачаевцы и другие. Они не жалели своих жизней ради достижения общей победы над врагом. Тем более обидным для них было принятое ГКО в начале 1943 г. постановление о демобилизации из действующей армии всех подозреваемых в неблагожелательности. На них был навешен ярлык в возможном пособничестве противнику. Для большинства воинов этот шаг был в высшей степени несправедливым. Возвращавшиеся с фронта бойцы и командиры (всего за 1943–1944 гг. было демобилизовано 157 тыс. представителей различных национальностей Советского Союза, в том числе около 6 тыс. офицеров) подвергались репрессиям, высылались в малообжитые регионы Средней Азии, другие отдаленные районы СССР. Только чеченцев было отозвано с фронта 710 офицеров и 8134 сержантов и рядовых. Многие из них имели боевые награды, неоднократные ранения. Однако их снимали с довольствия и зачисляли в разряд спецпереселенцев⁵. Одновременно шло переселение на восток сотен тысяч мирных граждан – жителей северокавказских автономных республик, большинство из которых были ни в чем не повинны, а напротив, честно трудились на благо обороны. Они оставались там вплоть до конца 1950-х годов. Постепенное возвращение на родину уцелевших переселенцев стало происходить лишь после смерти Сталина, тогда как осуждение политики репрессий против целых народов стало фактом только в конце 1980-х годов.

Поводом для эскалации репрессивной политики сталинского правительства, переселения целых народов стала активизация бандитского подполья на территории Северного Кавказа в 1942–1943 гг. На этот раз советские войсковые части и подразделения НКВД боролись против бандитских формирований, организованных националистами на территории Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР и в ряде других областей Северного Кавказа. Подняли голову и некоторые представители казачества, которые в мирное время, мягко говоря, недолюбливали советскую власть за жестокие методы руководства и насильственную коллективизацию, а теперь желали выступить в составе автономных легионов бок о бок с “победоносным вермахтом”. Факты предательства

³ Чёрный В.И. Кубань в пламени битвы за Кавказ. – Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011, с. 103–105.

⁴ Круглов А.И. Ставрополье в битве за Кавказ. – Там же, с. 89–94.

⁵ Бугай Н.Ф. Представители репрессированных народов на защите Отечества в годы Великой Отечественной войны: доблесть и слава. – Там же, с. 155–156.

своей общей Родины, действительно, имели место. В северокавказском регионе орудовало несколько десятков крупных националистических отрядов, нарушавших снабжение советских войск, убивавших из-за угла бойцов и командиров Красной Армии. Бандиты не скрывали своего желания поскорее встретиться с немецкими частями и вместе с ними вести борьбу против советской власти. Но большинство горцев и казаков в то время не поддержало национальных и религиозных экстремистов. Напротив, они активно участвовали в борьбе с немецкими оккупантами, вступали добровольцами в ряды Красной Армии.

С 18 августа 1942 г. войска группы армий “А” продолжили свою операцию. Теперь германское командование попыталось организовать наступление в центральной части Кавказского хребта, пробиться через горы западнее Эльбруса и выйти к Тбилиси. Первоначальные успехи 49-го немецкого горного корпуса позволили врагу захватить ряд перевалов на сухумском направлении, сбить со своих позиций малочисленные советские подразделения и выйти к южным склонам Эльбруса. Группа немецких альпинистов из числа военнослужащих горных частей 21 августа установила флаг со свастикой на вершине этого пика. Флаг позже был сброшен советскими альпинистами, но в то время главную опасность представлял не этот пропагандистский демарш, а быстрое продвижение немецких войск на Гудауту, Гагры и Сухуми, что в случае успеха могло привести к окружению нескольких советских армий и выходу вермахта в Закавказье.

Опасность прорыва противника на южные склоны Главного Кавказского хребта беспокоила Ставку ВГК. В августе 1942 г. советские войска получили значительные подкрепления. Они усиливались подразделениями НКВД и отдельными горно-стрелковыми отрядами, бойцы которых обладали навыками альпинистов. Все это не позволило вражеским частям прорваться к Черному морю, они вынуждены были закрепиться на захваченных горных перевалах.

В конце августа группа армий “А” предприняла попытку прорваться к кавказским нефтяным источникам на своем левом фланге. Танковая армия Клейста, усиленная 40-м танковым корпусом, нанесла удар в направлении Моздока и Орджоникидзе (Владикавказ). Советские части мужественно и умело оборонялись, используя в полной мере условия местности, трудности преодоления противником многочисленных водных преград, лежавших у них на пути, растянутость его коммуникаций. Ожесточенные бои завязались на подступах к р. Терек. Все большую роль в срыве германских планов стала играть советская авиация, получившая преимущество по мере усиления частей ВВС РККА.

Тем не менее Клейсту удалось обойти советскую оборону, наступая вдоль Терек-ка, и 25 августа овладеть Моздоком. Но взять Орджоникидзе и продвинуться дальше Малгобека он так и не смог. Советские войска 9-й и 37-й армий, а затем своевременно выдвинувшиеся в этот район соединения 44-й армии, сдержали вражеский натиск. Попытка немцев выйти к Орджоникидзе через так называемые Эльхотовские ворота (узкое ущелье, пересекающее Сунженский хребет) натолкнулась на развитую систему инженерных сооружений, минные поля и другие заграждения. Нанесенные советским командованием контрудары вынудили противника остановиться и организовать пополнение для своих потрепанных частей. Советские войска, прикрывавшие грозненское и орджоникидзевское направления, вскоре были объединены в Северную группу войск Закавказского фронта под командованием генерала И.И. Масленникова.

В течение всего сентября не прекращались ожесточенные бои за г. Малгобек. После захвата города немцы собирались немедленно использовать для своих нужд нефтяные месторождения, находившиеся в этом районе. Советская сторона стремилась этого не допустить. На подступах к Малгобеку частями РККА и местными жителями были созданы серьезные укрепления. Город непрерывно обстреливался, в нем не затухали пожары, но танковые атаки врага не приводили к желаемому результату. Разрушенные кварталы неоднократно переходили из рук в руки. 5 октября 1942 г. противник все же занял большую часть города, но нефтепромыслы к тому времени были полностью уничтожены. Вскоре бои здесь приобрели позиционный характер.

Неспособность германского командования одержать быстрые победы в сражениях за Малгобек и Орджоникидзе по сути означала срыв его решительной попытки завладеть нефтью грозненских месторождений, а затем выйти к Баку. Вражеское наступление на левом фланге группы “А” захлебнулось на рубеже р. Терек. Гитлер был взбешен. Он приказал начальнику штаба оперативного руководства ОКВ генералу А. Йодлю вылететь на место и разобраться в обстановке. Вопреки ожиданиям фюрера Йодль не просто поддержал В. Листа, поставив под сомнение возможность дальнейшего наступления, но и предложил, не дожидаясь худших последствий, отвести назад горный корпус. В ответ на это Гитлер не придумал ничего лучшего, как сместить Листа и самому формально возглавить группу “А”. Досталось и Йодлю, которого также чуть не уволили из-за высказанного “ошибочного” мнения. В порыве гнева фюрер припомнил ему прошлогодние проступки. На совещании с фельдмаршалом В. Кейтелем 18 сентября он заявил, что работа с помощниками невозможна без их лояльности, “не говоря уже о том, что Йодль не крепкий человек. Именно он прошлой зимой выдвинул предложение о разрешении главной задачи, – немедленно отойти назад. Послушавшись его, мы потеряли бы все. И тогда он представлял не мое мнение, которое ему было хорошо известно, а наоборот, мнение слабых личностей – фронтовиков... что совершенно недопустимо”. Кейтель, боявшийся послушаться своего фюрера, поддакивал ему, утверждая, что Йодль, будучи его помощником, неоправданно стал выступать на первый план, “брал на себя больше, чем было на него возложено”⁶. Таким образом, Гитлер опять, как и зимой 1941/1942 г., видел причину неудач в некомпетентных действиях своих генералов – “слабых личностей”, которые только и делают, что предлагают отступать. Вера в свою полководческую исключительность оставалась в нем непоколебимой. Что бы ни случилось, считал он, Кавказ будет покорен. И произойдет это под его гениальным руководством. Однако при этом не учитывались объективные обстоятельства, сложившиеся на фронте, возросшее сопротивление Красной Армии.

Одновременно с немецким ударом на левом фланге группы “А” германское командование продолжило натиск на приморском участке 17-й армии генерала Р. Руоффа. С 19 августа противник повел решительное наступление на Новороссийск. Падение города могло означать новую смертельную угрозу не только для 47-й армии Северо-Кавказского фронта, но и для всех советских войск, оборонявших западные склоны Главного Кавказского хребта. Попытка немцев прорваться в Новороссийск с ходу не удалась. Но 28 августа, возобновив наступление, германские части сумели прорвать левый фланг советской 47-й армии и 31 августа выйти к побережью Черного моря, захватив Анапу. Советские соединения, отступая, оставили Таманский п-ов, куда 1–2 сентября высадились шесть немецких дивизий из Крыма. Ставка ВГК принимала экстренные меры для переброски резервов и пополнения войск, но перевес в силах оставался на стороне наступающих. С целью улучшения управления войсками советское командование пошло на ряд структурных изменений. Так, Северо-Кавказский фронт был преобразован в Черноморскую группу войск Закавказского фронта (12, 18, 47, 56-я армии) под командованием генерала Я.Т. Черевиченко. Командующим фронтом остался генерал И.В. Тюленев⁷.

Число защитников Новороссийска не превышало тогда 15 тыс. человек. В сентябре бои за Новороссийск достигли крайней степени ожесточения. Следствием удара 5-го армейского корпуса немцев стал отход советских частей из большей части этого города-порта. Но войскам 47-й армии удалось закрепиться в заводских районах и блокировать дорогу вдоль моря. Попытка обойти советскую оборону через горы, предпринятая 3-й румынской горной дивизией в 20-х числах сентября, окончилась полным провалом. Дивизия была окружена и почти полностью уничтожена. Силы немцев и их союзников неуклонно истощались, они вынуждены были вести ожесточенные бои с

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ), ф. 500, оп. 12462, д. 14, л. 5–19.

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945, т. 1, с. 258.

контратакующими соединениями Красной Армии, а в дальнейшем и с героическим десантом, высадившимся с моря на подступах к Новороссийску и занявшим небольшую территорию, прозванную вскоре “Малой землей”.

Встретив сопротивление советских войск на приморском направлении, германское командование решило в начале октября попытаться отрезать советскую группировку новым ударом через западную часть Главного Кавказского хребта. Привлеченные к наступлению горные егеря смогли выйти в тыл 18-й советской армии и нанести ей серьезный урон. Неудачные действия командования Черноморской группы и выход врага на ближние подступы к городу Туапсе привели к смене командования. Вместо Черевиченко Черноморскую группу возглавил генерал И.Е. Петров, ранее оборонявший Севастополь, а на должность командующего 18-й армии был назначен генерал А.А. Гречко. Подход свежих советских частей позволил стабилизировать ситуацию под Туапсе, где бои приняли позиционный характер.

Заключительный акт наступления на фронте германской группы “А” на орджоникидзевском и грозненском направлениях развернулся в конце октября 1942 г. Советское командование весьма опасалось немецкого удара с плацдарма на южном берегу Терека в районе Малгобека. Ставка планировала провести собственную операцию силами 9-й армии с целью отбросить врага и восстановить линию фронта по течению реки. Однако противник опередил командование РККА. С 25 октября румынские, а затем и немецкие части начали наступление западнее Моздока и Малгобека на Нальчик. Фланг 37-й советской армии оказался под угрозой, и она вынуждена была отойти. 27 октября пал Нальчик, а в начале ноября немецким танкам оставалось преодолеть всего 15 км, чтобы ворваться в Орджоникидзе. Захват этого города мог означать, что вермахт овладеет ключами к важнейшей транспортной магистрали Кавказа – Военно-грузинской дороге. Положение было критическим. Но именно в это время командующий Закавказским фронтом Тюленев приказал перебросить на орджоникидзевское направление стрелковый корпус, танковую бригаду, а затем и другие соединения, ранее предназначенные для нанесения контрудара по немецкому плацдарму южнее Терека. Начавшееся 6 ноября советское наступление привело к крупному успеху. Одна из германских танковых дивизий была охвачена с трех сторон. Для отступления у нее оставался лишь узкий коридор. Бросая технику и вооружение, немцы поспешно бежали. Разгром ударных сил группы “А” был более чем очевидным – враг оставил на поле боя около 150 танков, более 2,3 тыс. автомашин, другое имущество. Оседлать транспортную коммуникацию, ведущую в Закавказье и выйти к основным нефтепромыслам германскому командованию не удалось. 1-я немецкая танковая армия вынуждена была перейти к обороне.

К концу декабря 1942 г. войска вермахта и их союзников окончательно исчерпали свой наступательный пыл в сражениях за Кавказ. Враг удерживал занятую важную в хозяйственном и стратегическом отношении Кубанскую область, но выполнить поставленные перед ними задачи по захвату важнейших нефтяных месторождений СССР и прорыву на Ближний Восток оказался не в состоянии. Немцев не пропустили через горные перевалы в закавказские республики, а ущелья, ведущие к черноморскому побережью, прежде всего к Туапсе, были надежно блокированы. Соединения вермахта и его союзников были вынуждены вести тяжелые позиционные бои с все более усилившимися советскими армиями. Не оправдались также надежды гитлеровцев на то, что кавказцы отпадут от семьи народов Советского Союза и охотно станут помогать Германии в “освобождении” от коммунистического режима. Мудрость большинства горцев в полной мере проявилась в критической ситуации. Они понимали, что победа нацистского рейха ведет не только к гибели советского строя, но и порабощению, превращению в рабскую силу для рейха всех граждан СССР. Их выбор был прост – защищать общую Родину.

К началу декабря 1942 г. Красная Армия нанесла большой урон войскам немецкой группы армий “Б” под Сталинградом и окружила ее 6-ю армию. Немецкое командование, остро нуждавшееся в пополнении своих сил на сталинградском направлении, приняло решение перебросить туда часть сил группы армий “А”. 28 декабря главное

командование сухопутных войск (ОКХ) отдало группе армий “А” приказ начать отступление до линии Армавир – Сальск и там соединиться с войсками 4-й танковой армии, действовавшей южнее Сталинграда. При отступлении немецким войскам предписывалось применять тактику “выжженной земли”, т.е. уничтожать и разрушать города, села, мосты, железнодорожные пути, вывозить с собой награбленное имущество и продовольствие.

1 января 1943 г. начала отступление 1-я танковая армия вермахта. В тот же день окончился оборонительный и начался наступательный период битвы советских войск за Кавказ. По решению Ставки ВГК войска Южного фронта генерал-полковника А.И. Ерёменко (создан 1 января 1943 г. на базе Сталинградского фронта), развивая успех под Сталинградом, перешли в наступление главными силами из района Котельниковский на Ростов и частью сил на Тихорецк. Черноморская группа войск Закавказского фронта получила приказ наступать навстречу войскам Южного фронта – на Краснодар и Тихорецк. Северная группа войск (с 24 января преобразована в Северо-Кавказский фронт) должна была преследовать немецкую 1-ю танковую армию, наступая в направлении Моздок–Прохладный–Армавир.

Подвиг бойцов и командиров Красной Армии, представителей многих национальностей, грудью вставших на защиту своей страны в ходе оборонительных операций 1942 г., сорвал немецкий план порабощения Кавказа (“Эдельвейс”), не позволил германскому командованию в самый критический период обороны Сталинграда перебросить туда дополнительные силы. Переход германских войск к обороне на Кавказе, а также начавшееся успешно советское контрнаступление под Сталинградом означало, что в Великой Отечественной войне произошли коренные изменения, настал кульминационный и поистине переломный момент в смертельной борьбе против фашистской агрессии. Последующее быстрое продвижения Красной Армии от берегов Волги на запад создавало для Красной Армии хорошую возможность для нанесения врагу решительного поражения на всем южном фланге советско-германского фронта. В перспективе оно вело не только к быстрому отступлению немецкой группы армий “А”, но и ее полному уничтожению в гигантском котле на Северном Кавказе, полях Кубани и Ставрополя. Накануне нового 1943 года такая задача казалась Ставке ВГК вполне выполнимой.

“НЕЗНАМЕНИТЫЕ” НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ: РЖЕВСКО-СЫЧЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В конце июля 1942 г. группа армий “Центр” под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге силами 9-й армии продолжала удерживать стратегически важный плацдарм – так называемый Ржевский выступ, линия фронта которого проходила севернее и восточнее Ржева, восточнее Погорелого Городища и Быково. Сдавать его немцы не собирались.

Очевидной целью командования Красной Армии было не дать врагу возможности использовать свой плацдарм в наступательных целях и постараться нанести летом 1942 г. группе армий “Центр” серьезное поражение. Как уже говорилось, центральный участок фронта занимал в замыслах Ставки ВГК особое место. Нельзя было исключать возможность, что немцы, воспользовавшись неудачами Красной Армии на южном фланге, не попытаются взять советскую столицу неожиданным фронтальным ударом. Для Сталина все еще свежи были воспоминания осени 1941 г., когда враг стоял в нескольких десятках километров от Москвы. С другой стороны, германское командование, перенеся свои основные усилия на юг – под Сталинград и на Кавказ, – считало, что рано или поздно группа армий “Центр” возобновит свое разящее наступление на Москву по одному из кратчайших путей и поставит тем самым точку во всей войне. Центральная группировка немцев по-прежнему была наиболее многочисленной.

Исходя из остающейся цели облегчить участь частей Красной Армии, отступавших к Дону и Кавказу, сковав германские силы в центре советско-германского фронта, а также сложившихся на западном направлении условий для наращивания натиска на

врага, к концу июля Ставка ВГК спланировала осуществить крупную наступательную операцию, получившую название Ржевско-Сычевской. Новое предприятие поручалось войскам сразу двух фронтов – левого крыла Калининского и правого крыла Западного, которые нацеливались против сил группы армий “Центр”, действовавших всего примерно в 200 км к западу и северо-западу от Москвы. Операция, проведенная с 30 июля по 23 августа 1942 г., вписывалась в рамки советской “большой стратегии”, хотя условия для ее проведения летом 1942 г. были далеки от идеальных. Здесь на пересеченной местности, имеющей много естественных преград (рек, речушек, перелесков, высот, болот), была выстроена глубоко эшелонированная оборона немцев, пожалуй, еще более прочная, чем на южном фланге группы Ключе. На пути наступающих войск находились окопы полного профиля, ряды колючей проволоки, сеть минных полей и многочисленные опорные пункты. К концу июля положение советских войск на юге России ухудшилось. Именно туда направлялись основные резервы и боевая техника. Неоднократно подтвержденное мужество бойцов и командиров РККА по-прежнему не подкреплялось надежным прикрытием с воздуха. Поэтому исходные данные для новой операции Красной Армии западнее Москвы в основном оставались теми же, что были в начале месяца. Это не сулило наступающей стороне легких боев, а напротив, грозило большими потерями.

С другой стороны, советское командование сделало все возможное, чтобы сосредоточить теперь на участках прорыва более мощные силы и средства. Современные исследователи подтверждают, что в полосах наступления ударных группировок фронтов было достигнуто не просто “более чем двойное”, а подавляющее превосходство над противником в людях и артиллерии. С.А. Герасимова пишет, что к обычно упоминаемым войскам 30, 29, 31, 20-й армий Западного и Калининского фронтов, принявшим участие в операции, следует приплюсовать еще 5 и 33-ю армии, хотя они наступали лишь на отдельных участках своих полос. В операции участвовали также соединения и части 2-го гвардейского кавалерийского, 6-го и 8-го танкового, 8-го гвардейского и 7-го гвардейского стрелковых корпусов, которых поддерживали 1-я и 3-я воздушные армии. Советская группировка в начале августа насчитывала более 486 тыс. человек и располагала 1715 танками. “Артиллерийская плотность” в полосе наступления 33-й армии достигала 40–45 орудий на 1 км, 20-й армии – 122 орудия, на Калининском фронте – 115–140 стволов⁸.

Советское командование учитывало, что войска левого крыла Калининского фронта генерал-полковника И.С. Конева (30-я и 29-я армии) и правого крыла Западного фронта генерала армии Г.К. Жукова (31-я и 20-я армии) занимали по отношению к немецкой 9-й армии охватывающее положение. Общий замысел операции предусматривал ударами войск этих смежных крыльев на ржевском и сычевском направлениях разгромить основные силы 9-й армии и ликвидировать Ржевский выступ. Перед войсками советских фронтов ставились первоочередные конкретные задачи – овладеть городами Ржев и Zubцов, выйти на рубеж рек Волга и Вазуза, обеспечив его надежную защиту. Главную роль в осуществлении задуманного плана должен был сыграть Западный фронт.

30 июня первыми в наступление перешли войска Калининского фронта. 30-я армия прорвала первую полосу обороны противника, но затем встретила упорное сопротивление врага и втянулась в упорные бои на подступах к д. Полунино. Действия 29-й армии успеха не имели⁹. Войска Западного фронта начали свое наступление 4 августа. Как отмечалось в специальном докладе штаба фронта, нашими войсками в 6.15 утра, внезапно, всей массой артиллерийского и минометного огня и РС (кроме М-30) был нанесен 10-минутный удар по узлам связи с целью нарушения управления вражескими подразделениями. Затем артиллерия приступила к разрушению и уничтожению

⁸ Герасимова С.А. Первая Ржевско-Сычевская операция 1942 г. (Новый взгляд). – <http://rshew-42.narod.ru/lrso.html>

⁹ Ржевская битва: сражение за Полунино (30 июля – 23 августа 1942 г.) Сборник статей и материалов. Тверь, 2001.

переднего края противника методическим обстрелом продолжительностью 45 мин. Считалось, что такая мощная подготовка нанесет громадные потери противнику и позволит пехоте и танкам уверенно, без больших потерь и быстро двинуться в атаку. Уже в первом эшелоне были задействованы две танковые бригады, которые поддерживали безостановочное продвижение вперед, даже ночью. Как дань букве и духу приказа НКО № 227, в наступающих частях предпринимались специальные меры. “Для предупреждения отставаний отдельных подразделений, – говорилось в докладе, – и для борьбы с трусами паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке следовали особо назначенные Военным советом армии командиры. В итоге всех предпринятых мер войска 31-й и 20-й армий успешно прорвали оборону противника”¹⁰.

Особенно ожесточенные бои шли за д. Погорелое Городище, которую немцы за предыдущие месяцы превратили в крупный опорный пункт. Буквально каждый метр земли перед деревней был пристрелян противником, не помышлявшим даже о тактическом отступлении. Достаточно сказать, что боевые действия 20-й армии на первом этапе наступления получили название “Погорело-городищенской операции”. И все же советскому командованию удалось взломать германскую оборону, бросив в сражение крупные силы пехоты, кавалерии и танковые бригады. В полосе армии действовало более 250 танков, включая 21 тяжелый и 82 средних¹¹.

Красноармейцы дружно поднимались в атаку и шли в лоб на позиции противника. Правдой войны является то, что их не нужно было подстегивать или угрожать пулей со стороны заградительных отрядов. Солдат и офицеров отличал высокий боевой дух. В отчете о политико-моральном состоянии 20-й армии в период операции говорилось, что в подразделениях присутствовало “беспредельное стремление к скорейшему истреблению ненавистного врага”. “Весь личный состав армии от бойца до командарма (генерала М.А. Рейтера. – *М.М.*) горел нетерпением и ждал сигнала к решительному и беспощадному бою”. Бои по прорыву вражеской обороны в полосе 20-й армии дали сотни примеров мужества, отваги и героизма. Отличились разведчики и подразделение автоматчиков 923-го стрелкового полка 251-й дивизии, которые, “не дожидаясь конца артподготовки, ворвались в глубокий тыл врага и неожиданно смелым броском вышли на железнодорожный и деревянный мосты через р. Синяя, не дав противнику их взорвать и отрезав ему путь отхода”. Минометчик Леванский, “несмотря на серьезное ранение, ни за что не согласился уйти с поля боя и продолжал разить врага огнем своего миномета”. Сержант Михалев уничтожил пулеметную точку немцев метким броском гранаты. Правдой было и то, что в атаку вместе с красноармейцами шли политработники, деля вместе с ними и славу и, если придется, смертельную пулю. Стоит задуматься и над следующими цифрами: только по одному 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу за время операции заявления о приеме в компартию подали 8200 человек, тогда как сама парторганизация выросла за то же время на 378 членов. Коммунисты шли в бой первыми и в ходе отчаянных атак, как правило, первыми и погибали. В то же время в кавкорпусе ничтожно малым оставалось число “аморальных”, как тогда отмечалось, явлений. Всего было отмечено два случая самострелов¹².

К утру 5 августа войска Западного фронта завершили прорыв главной полосы обороны, а к исходу суток расширили его до 30 км по фронту и 25 км в глубину. Вечером 5 августа Жуков почувствовал, что дело, кажется, удается и речь может идти о крушении всей немецкой обороны на этом направлении. Для развития успеха он решил с 6 августа ввести в бой подвижную группу фронта – два танковых и один кавалерийский корпус. В связи с общностью задач Западного и Калининского фронтов в тот же день, 5 августа, Жуков получил указание Ставки ВГК взять руководство всем сраже-

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1087, л. 64–70.

¹¹ Там же, д. 180, л. 38–39.

¹² Там же, л. 47–49.

нием в районе Ржева в свои руки. Генерал И.С. Конев должен был срочно прибыть к нему “за получением личных указаний и распоряжений по дальнейшему ведению операций”¹³.

Однако надежды на быстрый успех Жукову вскоре пришлось оставить. Враг имел значительные резервы, чтобы локализовать советский прорыв. Командование группы армий “Центр”, под угрозой потери Ржевского выступа, усилив 9-ю армию тремя танковыми и двумя пехотными дивизиями, нанесло контрудар из районов Сычевки и Карманово в общем направлении на Погорелое Городище. 7–10 августа на подступах к рекам Вазуза и Гжать происходило крупное встречное сражение. С обеих сторон в нем участвовали до 1500 танков и почти все войска, предназначенные для действий на зубцовском, сычевском, и кармановском направлениях. 8 августа в сражение была введена 5-я армия Западного фронта с задачей прорвать вражескую оборону на всю тактическую глубину и соединиться с левофланговыми частями 20-й армии.

Совсем не гладко, как того хотелось бы, шли дела на Калининском фронте. Вызывает удивление, почему общее руководство операцией не было отдано Жукову с самого начала, а было оформлено директивой Ставки только 5 августа. Войска Конева продвинулись к тому времени вперед всего на несколько километров. Причиной тому была организация удара фронта как раз по наиболее плотным оборонительным порядкам и сильным укреплениям врага севернее Ржева. “Противник, разбитый в своей тактической глубине, – отмечал Конев, – воспользовавшись неблагоприятными условиями погоды, закрепился на оборонительной Ржевской полосе”. Однако генерал не терял пока надежды сломить вражеское сопротивление. Ведь только в одной его 30-й армии находились 13 стрелковых дивизий, три бригады, 13 артиллерийских полков РГК, 16 дивизионов и три гвардейских полка “катюш”. К исходу 8 августа он требовал “закончить перегруппировку и перейти в решительное наступление с задачей овладеть г. Ржев и переправами р. Волга”¹⁴. Однако эту задачу выполнить не удалось. Как назло, самое начало наступления обоих советских фронтов было ознаменовано мощными ливнями, сделавшими непроходимыми и без того ужасные проселочные дороги, ведущие к передовой. Потоки воды с неба были выгодны немцам, так как они держали в своих руках надежные линии коммуникаций и глубоко зарылись в землю. Дождь мешал и эффективному применению советской артиллерии, которая на главных направлениях значительно превосходила противника.

В течение последующих нескольких дней бои продолжались с неослабевающей силой. Советские войска несколько потеснили, но не опрокинули врага. Однако они отразили его контрудары танковых дивизий (46-го танкового корпуса) в районах Карамзино и севернее Карманово, нанесли противнику большие потери и вынудили его перейти к обороне на рубеже р. Вазуза, р. Гжать, с. Карманово. Используя успех Западного фронта, 30-я и 29-я армии фронта Конева во второй половине августа вышли на ближайшие подступы к Ржеву. 23 августа войска 31-й армии при помощи 29-й армии освободили Зубцов, а войска 20-й армии – Карманово. На этом наступательные возможности советских войск были исчерпаны, и они перешли к обороне.

Немцы упорно и искусно сопротивлялись. К тем препятствиям, которые были описаны выше, они присовокупили хитрый способ уничтожения нашей живой силы. Как летом 1942 г., так и позднее противник создавал так называемую “систему бастионов”. Через каждые 100–150 метров прямолинейных траншей ими отрывались треугольные выступы (“бастионы”), направленные острым углом в сторону атакующей советской пехоты. Там же находилась огневая точка (пулемет), врезанная заподлицо в землю. Она была предназначена для ведения огня только вдоль траншеи, когда в нее врывались наши бойцы. Подступы к огневой точке надежно минировались. Артиллерийскую подготовку РККА солдаты вермахта переживали в укрытиях, но как только впереди показывались атакующие подразделения, они занимали свои места в передовых траншеях

¹³ Там же, д. 1087, л. 2–4, 62.

¹⁴ Там же, л. 55.

и открывали шквальный огонь. Как правило, атаки на такие укрепленные пункты вели к большим потерям. Тем не менее советские войска научились их брать и добиваться поставленной цели. Залогом победы здесь были быстрота и натиск. Бросок в направлении вражеских окопов должен был осуществляться до окончания артподготовки; затем следовала короткая яростная схватка с еще не опомнившимся врагом¹⁵.

Осуществление Ржевско-Сычевской операции позволило советским войскам продвинуться вперед на 30–45 км, срезать часть плацдарма противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковать крупные силы группы армии “Центр” и вынудить немецкое командование перебросить в район операции 12 дивизий с других участков. Готовившиеся к переброске на Сталинградское направление три танковых и несколько пехотных дивизий из состава группы фон Клюге были обескровлены в боях; 10 пехотных, три танковых и три моторизованных дивизии врага потеряли 50–80% личного состава. В танковых дивизиях осталось всего по 20–30 боевых машин из 150–160¹⁶.

Вышеназванные результаты достались Красной Армии дорогой ценой. По официальным данным, в Ржевско-Сычевской операции советские войска с 30 июля по 23 августа 1942 г. потеряли 193 683 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести¹⁷. Однако некоторые историки считают эти данные заниженными. Дело в том, что после 26 августа, когда И.С. Конев стал командующим Западным фронтом вместо Жукова, назначенного заместителем Верховного Главнокомандующего, 30-я и 29-я армии были переданы в состав Западного фронта и бои за Ржев продолжились. Город оставался одним из главных остовов всей германской обороны на центральном направлении и притягивал к себе все новые силы противоборствующих сторон. В конце сентября штурмовые советские подразделения, прогрызая вражеские позиции, ворвались в северную часть Ржева. Бои с контратакующими немецкими частями приняли невиданный накал. Однако подоспевшие резервы группы армий “Центр” сумели восстановить положение. Город освободить не удалось.

Указывая на то, что бои Западного и Калининского фронтов на ржевском направлении продолжались вплоть до конца сентября 1942 г., современные исследователи увеличивают цифру потерь РККА в Ржевско-Сычевской операции 1942 г. до 291 тыс. человек (в итоговую цифру не входят потери корпусов и воздушных армий). В целом, таким образом, говорится о 300 тыс. советских военнослужащих, павших в тот период, тогда как только за август потери в танках составили 1085 единиц. Относительно потерь немцев имеются только промежуточные данные, но очевидно, что они были также очень большими. В общей сложности 16 немецких дивизий, действовавших на этом участке, потеряли, по некоторым оценкам, 50–80% личного состава. Так, только одна 6-я пехотная дивизия за период 1–22 августа потеряла 3294 человека. Весьма значительными были и потери противника в танках и авиации¹⁸.

Причины столь больших советских потерь при относительно скромном продвижении вперед являются сегодня предметом многочисленных дискуссий среди историков. Природный и погодный факторы, инженерное оборудование вражеских позиций и другие отмеченные обстоятельства, конечно, сыграли свою роль. Нельзя упускать из виду, что Красной Армии под Ржевом противостояли закаленные солдаты вермахта, которые сумели в значительной мере оправиться от зимних поражений и получили серьезные подкрепления. Кроме того, их боевой дух значительно возрос после начала германского наступления на Кавказ и Сталинград, где уже были достигнуты крупные победы. Играло свою роль и отсутствие в Европе второго фронта. Все это приводило немцев к

¹⁵ Там же, ф. 232, оп. 590, д. 147, л. 1–20.

¹⁶ Листиков С.В. Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 г. – Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2010, с. 498–499.

¹⁷ Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных Сил. М., 2001, с. 312.

¹⁸ Герасимова С.А. Указ. соч.; Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939 – 1942 гг., т. 3. М., 1971, с. 321; Гроссманн Х. Ржев – краеугольный камень Восточного фронта. Ржев, 1996.

мысли о том, что победа не за горами, впереди последнее напряжение сил, за которым последует победа.

Успехи на южном фланге ободряюще сказывались на политико-моральном состоянии противника на всем советско-германском фронте, в том числе в полосе группы армий “Центр”. “Воинственное настроение и уверенность в победе Германии, – отмечалось в информации с фронта Жукова, – особенно характерно для оболваненного геббельсовской пропагандой молодых возрастов 1922 и 1923 г.г.” Типичным представителем этого слоя был военнопленный немец В. Реммер, который при допросе в советском штабе показал: “В настоящее время в армию прибывает молодежь 1923 г.р. Дисциплина в армии строгая. Случаев отказа от выполнения приказов, дезертирства, самострелов пленный не знает. Солдаты получают в день 500 гр. хлеба, 50 гр. колбасы, иногда масло или мед, днем суп и вечером чай. Многие солдаты, хотя и недовольны питанием, но своего недовольства не высказывают”. (Это при том, что многие наши подразделения на передовой, особенно в период распутицы, вынуждены были неделями сидеть на сухарях и воде. – М.М.). Реммер признавал, что “между собой солдаты говорят, что Красная Армия сражается упорно, но большинство верит в победу немцев, которые сейчас наступают на юге. У Красной Армии не хватает продовольствия, и она должна будет сдаться. Солдаты уверены, что война закончится в этом году, и что также думает все население Германии”. О втором фронте Реммер слышал, но “офицеры объявили солдатам, что этому не следует придавать значения”. Втайне немецкие солдаты обсуждали, что “война никому не нужна”. Но “раз она начата, то ее нужно довести до конца. Сопrotивление властям невозможно. Кто виновен в войне, сказать трудно. Говорят, – продолжал пленный, – что наше жизненное пространство мало и не обеспечивает материально наш народ. Англия отказалась дать нам колонии и договорилась с СССР о нападении на Германию. Большинство немцев уверено, что война ведется именно по этой причине”.

Показания В. Реммера были характерны для большинства солдат из гитлеровской молодежи, прежде всего немцев по национальности. Однако военнопленные австрийцы, литовцы, чехи, поляки, которые также воевали на стороне вермахта, заявляли, что воевать не хотели, но их обманным путем (заставляя подписывать пустые страницы, которые потом оказывались согласием вступить в армию) призвали на фронт¹⁹. Так ли это было на самом деле, остается вопросом. Ясно одно, что пока Германия одерживала победы, никаких особых протестных настроений в частях вермахта, где воевали не только немцы, но и представители других европейских наций, не было.

В ходе Ржевско-Сычевской операции Красной Армии не удалось разгромить противника. В снижении ударной мощи частей РККА существенную роль сыграли ошибки, допущенные самим советским командованием еще на этапах планирования и подготовки операции. Разведка Западного и Калининского фронтов имела данные о системе немецких укреплений в основном только на переднем крае. Несмотря на то, что на отдельных участках (в районах главных атак) плотность нашего артиллерийского огня достигала 170 орудий на километр фронта, а в 20-й армии – целых 266 орудий²⁰, командование РККА не до конца осознавало, что именно здесь – на ржевском плацдарме – враг имеет наиболее плотные боевые порядки (менее 10 км линии фронта на одну пехотную дивизию), оснащенные всеми средствами инженерного оборудования позиции, развитые в глубину от 80 до 100 км. Играли свою роль и другие факторы: излишняя концентрация живой силы в местах прорыва, не подкрепленная техникой и огнем, что вело не к достижению успеха, а лишь к большим потерям; поспешное (без должной поддержки и разведки) введение в бой танковых соединений, использование бронемашин в лесистой местности; отсутствие плотной поддержки со стороны своей авиации, вылившееся в ходе развития операции в господство люфтваффе на поле боя; ненадежная радиосвязь. Противник, заставляя наши войска вязнуть в боях за

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 180, л. 70–71.

²⁰ Там же, д. 1087, л. 30–44.

укрепленные районы, быстро перебрасывал резервы (включая танковые дивизии) на угрожаемые направления и наносил эффективные контрудары.

Действия советских танковых корпусов в Ржевско-Сычевской операции оставляли не лучшее впечатление. Бронированные кулаки Западного фронта сгорали от огня противотанковой артиллерии врага, гибли в ожесточенных схватках с танковыми соединениями вермахта. Советским войскам не хватало ремонтных мастерских, а имевшиеся часто были в неудовлетворительном состоянии. Многие танки выходили из строя еще до боя, – тем самым повторялся печальный опыт 1941 г. Потеря большого количества танков после введения их в прорыв вынудила Жукова издать жесткий приказ, адресованный начальнику автобронетанковыми войсками фронта, прокурору и начальнику особого отдела 20-й армии. Его копия, для предостережения, была отправлена командиру 8-го танкового корпуса М.Д. Соломатину. В документе констатировалось, что “за шесть дней действий, без участия в серьезных боях, в 8 ТК из 181 танка новой матчасти осталось в строю только 63 танка, в т.ч.: КВ – 2; Т-34 – 17; Т-60 – 37 и Т-70 – 7. Усматривая в действиях командования корпуса и бригад явную преступность, ПРИКАЗЫВАЮ: В двухдневный срок расследовать и установить виновников потери материальной части и доведения корпуса до потери боеспособного состояния. Явных виновников в порче и выводе из строя матчасти в 24-х часовой срок судить и расстрелять перед строем танкистов. Командованию корпуса в двухдневный срок собрать корпус, подтянуть все оставшееся и дать Военному совету фронта лично письменное объяснение по существу”²¹.

Такое распоряжение, конечно, не брало в расчет тех тяжелейших условий местности и характера сражения, с которыми столкнулись советские танкисты под Ржевом. Но, как сегодня представляется, документ появился не только под воздействием больших потерь корпусов, приданных фронту Жукова, но и как реакция на приказ Ставки ВГК, переданный Западному фронту по БОДО накануне, 10 августа. В нем заострялось внимание на том, что утрата танков по техническим причинам в РККА часто превышает боевые потери. В качестве примера приводился Сталинградский фронт, где за шесть дней боя в 12 наших танковых бригадах “из 400 танков вышли из строя 326, из них по техническим неисправностям около 200, причем боевая часть танков оставлена на поле боя”. Жукова, несомненно, затрагивала следующая фраза: “Аналогичные потери имели место и на других фронтах”. Сталинский стиль решения проблемы целиком угадывается при дальнейшем прочтении документа: “Считая невероятным такой недопустимо высокий процент танков, выбывших из строя по техническим неисправностям, СТАВКА усматривает здесь наличие скрытого саботажа и вредительства со стороны некоторой части танкистов, которые, изыскивая отдельные мелкие неполадки в танке или умышленно создавая их, стремятся уклониться от боя, оставляя танки на поле боя. В то же время безобразно поставленный в танковых частях технический контроль за материальной частью... способствует этим преступным, нетерпимым в армии явлениям”. Сталин и Василевский, подписавшие приказ, требовали наладить надлежащий контроль и ремонт вышедших из строя бронемашин, под началом безукоризненно честных техников, а “личный состав, уличенный в саботаже или вредительстве, сводить в штрафные танковые роты... и использовать их на наиболее опасных направлениях”. Тем самым считалось, что им будет “предоставлена возможность искупить свою вину”. “Безнадежных, злых шкурников из танкистов” предписывалось немедленно изымать из танковых частей и “направлять в качестве рядовых в штрафные пехотные роты”²².

Следует отметить и еще одно обстоятельство, помешавшее на центральном направлении летом 1942 г. достигнуть больших успехов. Несмотря на то, что с трагических поражений 1941 г. прошло уже достаточно времени, изменился характер боевых действий, многие военачальники Красной Армии все еще не научились ведению современной войны. Методы их управления войсками оставались зачастую старыми.

²¹ Там же, л. 17.

²² Там же, л. 73–74.

В их действиях нередко присутствовали шаблон, отсутствие необходимой инициативы. Конечно, опыт постепенно накапливался, но для решительного перелома требовались серьезные кадровые перестановки, для осуществления которых пока не доставало самих кадров, и главное – веры в собственные силы и возможности, обрести которую можно было только на волне крупного успеха. Летом–осенью 1942 г. на ржевском направлении такие условия еще не созрели. Ни первая Ржевско-Сычевская операция, ни вторая, более известная под названием “Марс” в ноябре – декабре 1942 г., не привели к ожидаемым результатам.

При всех ошибках, просчетах, волонтаристских решениях советское командование принимало максимум мер для снабжения Ленинграда и скорейшего прорыва его блокады. Были предприняты четыре неудачные попытки разорвать вражеское кольцо. Первая – в сентябре 1941 г., на третий день после того, как гитлеровские войска перерезали сухопутные коммуникации с городом; вторая – в октябре 1941 г., несмотря на критическое положение, сложившееся на подступах к Москве; третья – в январе 1942 г., в ходе общего контрнаступления, которое лишь частично достигло своих целей; четвертая – в августе–сентябре 1942 г. Основными причинами неудач являлся недостаток сил и средств, выделенных для прорыва обороны противника.

ЛЮБАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В январе 1942 г. Красная Армия, казалось, сумеет добиться успеха не только в центре, но и на флангах огромного советско-германского фронта. Ставка ВГК приняла решение о начале общего наступления Красной Армии. После освобождения Тихвина у советского командования появилась надежда на то, что продолжение наступления Волховского (командующий генерал К.А. Мерецков) и удары Ленинградского фронтов (командующий до июня 1942 г. генерал-лейтенант М.С. Хозин, затем – генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров) разорвут вражеские клещи, сжимавшие город на Неве.

В перспективе Ставка ВГК планировала не только снять блокаду Ленинграда, но и освободить Новгород, Старую Руссу, Сольцы, и, наступая дальше во взаимодействии с Северо-Западным фронтом, нанести группе армий “Север” тяжелое поражение. В результате этого были бы созданы предпосылки для стратегического охвата северного фланга германских войск, что могло содействовать краху немецкой обороны на всем Восточном фронте.

Любанская операция началась 7 января и продолжалась по 30 апреля 1942 г. После форсирования замерзшей р. Волхов советские войска продолжили наступление. Вскоре Волховский фронт был усилен двумя армиями: 59-й и 26-й (впоследствии 2-й ударной). Когда войска Мерецкова вели бои за расширение плацдармов, действовавшая в полосе справа от них (между Ладожским оз. и р. Волхов) 54-я армия генерала И.И. Федюнинского (Ленинградский фронт) продолжала вести напряженные бои на участке железной дороги Мга–Кириши. Этой армии ставилась задача содействовать Волховскому фронту в освобождении Ленинграда от блокады. Войскам 54-й армии и Волховского фронта (4-я, 52-я, 59-я и 2-я ударная армии) противостояли в полосе между озёрами Ладожским и Ильмень 17 дивизий немецкой 18-й армии, входившей в группу армий “Север”. Немцы сумели укрепить свою оборону на направлениях главных ударов советских войск, создали сеть опорных пунктов на левом берегу Волхова и под Киришами – на его правом берегу. Советское командование поставило первоочередную задачу – ударами по сходящимся направлениям войсками Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта сломить сопротивление противника, выйти к Любани и тем самым окружить любанскую группировку врага. Особая роль в этой связи придавалась расширению плацдарма на западном берегу р. Волхов и быстрому продвижению 2-й ударной армии. После уничтожения противника под Любанью планировался удар в тыл германских войск, осаждавших Ленинград с юга.

Советское наступление началось еще до подхода всех сил, предназначенных для операции. Продвигаться вперед приходилось по глубокому снегу, в лесной и болотист-

стой местности, преодолевая ожесточенное сопротивление врага. Вскоре дали о себе знать перебои со снабжением: продовольствием, фуражом, боеприпасами. Однако во второй половине января 2-я ударная армия, прорвав оборону противника, вышла к железной дороге Новгород–Ленинград. К сожалению, другие армии Волховского фронта не смогли поддержать прорвавшиеся советские части. Выйдя к Любани, 2-я ударная армия оставалась связанной с основным фронтом лишь узким коридором прорыва у д. Мясной Бор. Все последующее время, пока передовые соединения армии пытались продвинуться к северо-западу, за эту горловину шли непрекращающиеся бои.

Весь февраль и половину марта советские войска безуспешно пытались взять Любань, но сил для этого уже не хватало. 54-я армия, возобновив наступление, смогла в марте продвинуться на несколько десятков километров к юго-западу, но добиться соединения со 2-й ударной армией была не в состоянии. К тому же начиналась распутица, и снабжение передовых частей РККА до предела сократилось. Все больше сказывались потери в живой силе, тогда как пополнение поступало скудно и нерегулярно. Войска были измотаны наступательными боями, в то время как немцы, опираясь на надежную систему снабжения, организовали крепкую оборону. Противник не замедлил воспользоваться создавшимся положением на этом участке фронта. Как только погода позволила использовать авиацию, немцы перешли в контратаки и к 19 марта 1942 г. перерезали линии коммуникаций 2-й ударной армии у Мясного Бора.

Дополнительная переброска германских соединений не только к горловине прорыва 2-й ударной армии, но и под Любань сделала бесперспективными дальнейшие попытки расширить плацдарм наступления. Все внимание теперь было сосредоточено на восстановлении связи с основным фронтом. Ожесточенные бои, продолжавшиеся несколько дней, позволили пробить на восток узкий коридор шириной не более 800 м, который к концу марта был расширен до 2–2,5 км.

После восстановления снабжения, которое оставалось крайне недостаточным (коридор простреливался прицельным огнем с двух сторон, а большую часть припасов советским бойцам приходилось носить на себе по проложенным гатям), 2-я ударная армия в начале апреля 1942 г. вновь попыталась организовать наступление на Любань. Но и оно захлебнулось. Неудачи повлекли за собой замену генерала Н.К. Клыкова на посту командующего армией генералом А.А. Власовым, ранее прибывшим на этот участок с целью инспекции. Положение 2-й ударной армии уже на тот период было критическим и продолжало ухудшаться. Соседние соединения (52-я и 59-я армии) безуспешно штурмовали опорные пункты врага и вынуждены были отбивать его все усиливавшиеся контрудары, в том числе по линиям снабжения 2-й ударной армии. Вскрывшийся лед на Волхове еще более усложнил ситуацию, тогда как организованное снабжение по воздуху не могло обеспечить всех потребностей войск. Через некоторое время по коридору удалось запустить узкоколейную железную дорогу, но ее эффективность оказалась крайне низкой. 2-й ударной армии, оказавшейся зажатой во вражеском мешке, стал угрожать голод. В пищу пошло уже мясо лошадей. Бойцы и командиры сражались из последних сил.

В конце апреля 1942 г. силы Волховского фронта и 54-й армии, понеся большие потери и израсходовав весь наступательный потенциал, перешли к обороне. Главная задача операции – захват Любани, нанесение поражения группе армий “Север” и деблокада Ленинграда – выполнены не были. Соединения немецкой 18-й армии также были в значительной степени обескровлены и оказались в непростой ситуации²³. Однако возможностей для возобновления активных действий в виду лучшего снабжения и выгодного оперативного положения у германского командования было больше.

С конца апреля командование Ленинградского фронта (в него вошли и армии Волховского фронта – так называемая “Волховская группа войск” фронта. – М.М.) и

²³ Мерецков К.А. На волховских рубежах. – Военно-исторический журнал, 1965, № 1.

2-й ударной армии разрабатывали планы выхода из окружения. В середине мая армия начала медленный отход к позициям у Мясного Бора. Но немцы решили сыграть на опережение и 30 мая 1942 г. нанесли мощный удар под основания коридора, используя для этого крупные силы сухопутных частей, поддержанных авиацией. Линии снабжения 2-й ударной были вновь перерезаны, а ширина барьера, отделявшего ее от основного фронта, составила 1,5 км. В котле оказалось более 40 тыс. военнослужащих вместе со своим командующим. Знамя армии было вывезено на большую землю. Снабжение окруженных войск фактически прекратилось, наступил страшный голод, а в полевых госпиталях оставались многие тысячи раненых, которым не могла быть оказана помощь. Прорыв на восток стал единственной возможностью спасти уцелевшие силы.

Испытывая на себе неослабное давление врага, части 2-й ударной продолжали отходить к Мясному Бору. Линия фронта все более сжималась. Управление обессилевшими войсками было нарушено. Многие соединения представляли из себя лишь малочисленные отряды. Ко второй половине июня в котле оставалось чуть более 20 тыс. 21 июня 1942 г. ценой невероятных усилий войскам 2-й ударной и наступающей навстречу 59-й армии удалось пробить узкую брешь во вражеском кольце, ширина которого не превышала 400 м. В ходе последующих боев эта брешь то расширялась до 1 км, то сужалась до 200 м. Выход из котла превратился в хаотичный процесс. Тысячи людей гибли от прицельного огня вражеских пулеметов и минометов, от разрывов бомб. Весь коридор был заполнен трупами, которых некогда было не только захоронить, но и просто убрать с дороги. Через 70 с лишним лет после тех событий поисковики находят непогребенные останки советских воинов, сложивших голову в неравной борьбе с противником в окрестностях д. Мясной Бор.

Немцы периодически закрывали кольцо, однако коридор вновь пробивался в результате отчаянных советских атак. Последний раз он был пробит в ночь на 25 июня 1942 г., но вскоре опять заблокирован – теперь уже окончательно. 27 июня 59-я армия предприняла еще одно усилие прорваться сквозь немецкие позиции, однако это привело лишь к большим потерям. Оказавшимся в окружении бойцам оставалось надеяться только на судьбу и пытаться прорваться на восток в одиночку или мелкими группами. Фактически 2-я ударная армия была уничтожена. По разным оценкам, из кольца в июле–августе удалось выйти до 15 тыс. человек. Оставшиеся в окружении воины либо погибли, либо попали в плен. По немецким данным, им удалось пленить тогда около 30 тыс. человек, среди которых оказался и командующий армией генерал А.А. Власов²⁴.

Трагическая судьба 2-й ударной армии самым неблагоприятным образом сказалась на положении советских войск, стремившихся освободить от блокады Ленинград. Смелые цели, которые преследовали войска Волховского и Ленинградского фронтов, остались нереализованными по целому ряду причин. Среди них: недостаток вооружения, боеприпасов, продовольствия в ходе продвижения вперед, начавшаяся затем распутица и отсутствие необходимых резервов. Но не меньшую роль в неудачных действиях сыграли ошибки советского командования, поставившего перед войсками первоначально слишком широкие задачи. Оно не сумело вовремя оценить складывавшуюся ситуацию, когда наступление следовало немедленно прекратить, и не смогло быстро отвести войска из-под удара наступавшего противника. Запоздалое принятие решения на отход стало одной из главных причин понесенного поражения.

²⁴ А.А. Власов – генерал-лейтенант РККА. С марта 1942 г. – заместитель командующего Волховским фронтом, а с 20 апреля – командующий 2-й ударной армией. Отказался эвакуироваться из «котла» на самолете и 12 июля 1942 г. сдался в плен, пошел на сотрудничество с немцами, осенью 1944 г. возглавил так называемый Комитет освобождения народов России (КОНР), Русскую освободительную армию. 12 мая 1945 г. вблизи г. Брежи (Чехословакия) Власов был арестован советским патрулем и доставлен в Москву. 31 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР Власов вместе с другими 11 руководителями КОНР был признан виновным в измене Родине и приговорен к смертной казни через повешение.

В сложившихся условиях Ставке ВГК пришлось более скрупулезно учитывать расстановку сил под Ленинградом и готовиться к новым боям по прорыву блокады, привлекая для этого дополнительные резервные силы. Очередная крупная попытка снять осаду города на Неве была произведена в августе – сентябре 1942 г. Серия ударов Красной Армии того времени по названию местности, где они наносились, получила название Синявинской операции.

СИНЯВИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Во второй половине августа 1942 г. советское командование планировало осуществить новую крупную операцию по прорыву блокады Ленинграда. Войскам вновь образованного 9 июня 1942 г. Волховского фронта (командующий генерал К.А. Мерецков) предстояло наступать в направлении Невской Дубровки, соединившись с Ленинградским фронтом. В начале августа основные задачи были определены; главный удар намечалось нанести силами 8-й армии и восстановленной 2-й ударной армии в районе Синявино. Войска строились в три эшелона, которые в общей сложности включали 16 стрелковых дивизий, 10 стрелковых, 6 танковых бригад и 4 отдельных танковых батальона²⁵ – всего около 150 тыс. солдат и офицеров. Поскольку на направлении главного удара оборонялись лишь пехотные части противника, советское командование надеялось осуществить прорыв еще до подхода вражеских резервов. 55-я армии Ленинградского фронта генерала Л.А. Говорова должна была содействовать Волховскому фронту ударом в направлении р. Тосна, а силами Невской оперативной группы форсировать Неву и развивать наступление в направлении Синявино.

Как и на центральном направлении, где в то время проводилась Ржевско-Сычевская операция, второй целью наступления под Ленинградом было сковать насколько это возможно соединения немецкой группы армий “Север” и не позволить перебросить их на юг – под Сталинград и Кавказ, где разгорались решающие сражения. Мерецков надеялся на успех и считал, что встреча войск Волховского и Ленинградского фронтов произойдет уже на третий день после начала операции²⁶. На фронте были предприняты строжайшие меры по маскировке сосредоточения сил (переброска частей в ночное время, радиомолчание и др.). Это способствовало тому, что немцы не смогли точно определить состав советской группировки.

Однако германская сторона сумела возвести на участках, где ожидалось советское наступление, надежные оборонительные сооружения. Там, где заболоченная почва не позволяла вырыть траншеи, немцы строили специальные заборы. Они вбивали в грунт два ряда кольев, стягивали их проволокой и оплетали ветвями и сучьями деревьев. Пространство между кольями заполнялось бревнами, мокрой землей, камнями. Перед такими укреплениями обычно образовывались рвы, наполненные водой, что представляло собой еще одно серьезное препятствие и увеличивало потери атакующих сил²⁷. Более того, командование вермахта не собиралось только отсиживаться в обороне, оно также намечало нанести удар по Ленинграду и попытаться взять город, падение которого считалось одной из главных задач в войне на Востоке еще со времени разработки плана “Барбаросса”. Согласно директиве фюрера № 45 от 23 июля 1942 г., операция по захвату Ленинграда группой армий “Север” получила первоначальное название “Волшебный огонь”. В группу армий “Север” перебрасывался штаб и соединения немецкой 11-й армии Э. Манштейна, которая только что завершила штурм Севастополя. Немцы придерживались следующего плана действий: сначала воздушными бомбардировками и артиллерийским огнем разрушить город, а затем уже штурмовать его укрепления.

²⁵ Шигин Г.А. Битва за Ленинград: крупные операции, “белые пятна”, потери. СПб., 2004, с. 154–176.

²⁶ Мерецков К.А. На службе народу. М., 1988, с. 295.

²⁷ Сяков Ю.А. Синявинская операция советских войск 1942 года. – Вопросы истории, 2008, № 6, с. 84.

Руководство вермахта сразу же после завершения боев на любанском направлении приступило к тщательной проработке операции. Его план неоднократно обсуждался в гитлеровской ставке. 19 июля генеральный штаб сухопутных войск Германии проинформировал командование группы армий “Север”, что “в настоящее время имеются соображения... начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым исключить русский Балтийский флот”. Город на Неве, как Гитлером и было задумано ранее, обрекался на полное уничтожение; его определенно собирались стереть с лица земли²⁸.

Несмотря на то, что исчерпывающих сведений о противостоящих силах РККА у немецкого командования не было, оно догадывалось о подготовке советской стороны к активным действиям и желало упредить ее, попытаться нанести ей поражение без привлечения дополнительных сил, выделенных для захвата Ленинграда. Наступление должно было начаться не позднее 14 сентября. Штаб 11-й армии прибыл под Ленинград уже в конце августа. Германские войска усиливались авиацией и орудиями крупного калибра. Дальнобойная артиллерия получила дополнительные боеприпасы для планомерного уничтожения жилых домов города на Неве.

К операции, которая получила окончательное название “Северное сияние”, привлекались силы 11-й и 18-й немецких армий (всего 12 дивизий). Общее руководство наступлением было возложено в начале сентября на фельдмаршала Э. Манштейна. Немцам предстояло форсировать Неву, соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке и взять Ленинград. Все говорило о том, что защитников города на Неве ожидают новые испытания. Советской разведке было известно о переброске 11-й армии на север и подготовке вражеского удара. Но, равно как и немцам, ей не удалось получить полных данных о составе противостоящей группировки и ее намерениях.

С целью отвлечь внимание противника от направления главного удара советская сторона провела в июле–августе ряд частных операций на Ленинградском (42-я и 55-я армии) и на Волховском (4-я и 59-я армии) фронтах, сумев в кровопролитных боях освободить несколько населенных пунктов. Приближался час решительного штурма немецких позиций. Документы Военного совета Ленинградского фронта показывают, что со своей стороны войска генерала Говорова поочередно разрабатывали сразу два плана наступления. Один из них (подготовленный не позднее 11 августа) был озаглавлен весьма многообещающе: “Операция по окружению и уничтожению Синявинско-Шлиссельбургской группировки противника совместными действиями Ленинградского и Волховского фронтов в августе 1942 г.”. Ставка ВГК предписывала фронту Говорова прорвать оборону противника на колпинском направлении, форсировать р. Тосна и выйти на ее восточный берег. Главной задачей являлось: “Во взаимодействии с Волховским фронтом снять блокаду Ленинграда”. Интересно, что в первом варианте плана были зачеркнуты слова, которые, как представляется, недостаточно четко нацеливали на прорыв вражеского кольца, а требовали всего лишь “уничтожить противостоящую группировку противника и содействовать Волховскому фронту в захвате рубежа р. Мга”²⁹. Говоров и командующий 55-й армии рассчитывали на успех, собрав в ударной группе пять стрелковых дивизий, одну танковую бригаду, 600 орудий разных калибров, с плотностью огня на главном направлении 75 орудий на 1 км фронта, 150 истребителей и 110 штурмовиков и бомбардировщиков. Начало операции, которая планировалась всего на 5–6 дней, определялось генералом Говоровым и членом Военного совета Ленинградского фронта, секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым сроком “выхода ударной группировки Волховского фронта в район Синявино”, но готовность войск к действиям устанавливалась не позднее 23 августа³⁰.

Однако еще ранее этой даты советское командование получило подтверждение о появлении вблизи фронта новых германских частей. Следовало полагать, что допол-

²⁸ Там же.

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 762, л. 80.

³⁰ Там же, л. 81–83.

нительно к соединениям 18-й немецкой армии, располагавшей более 300 тыс. человек, к Ленинграду прибывают дивизии 11-й армии Манштейна. Поэтому войска Ленинградского фронта решили начать наступление раньше – 19 августа. К этому времени Волховский фронт еще не завершил своей подготовки к операции. 55-й армии удалось добиться первоначального успеха и взять н.п. Ивановское и Усть-Тосно. Однако дальнейшее продвижение было приостановлено подошедшими вражескими резервами. Предназначенные для наступательной операции дивизии Манштейна были вынуждены сходу вступать в оборонительные бои против атакующих советских частей. Они несли значительные потери, но к началу сентября сумели сдержать советский натиск. Командование Ленинградского фронта было вынуждено на этом участке прекратить атаки и отступить, оставив за собой лишь небольшой плацдарм на правом берегу р. Тосна в районе д. Ивановское.

27 августа к операции присоединилась 8-я армия Волховского фронта, нанеся главный удар частями 6-го гвардейского стрелкового корпуса. И хотя артиллерийская подготовка была мощной, при участии дивизионов гвардейских минометов, в первый день советским частям удалось продвинуться всего на 1,5–2 км. На второй день успех был более внушительным. 19-й гвардейской стрелковой дивизии, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, удалось преодолеть 5 км и выйти на подступы к Синявино. Но контрудары противника, в которых участвовали не только пехотные, но и танковые подразделения (в том числе несколько новейших танков “тигр”), поддержанные массированными атаками люфтваффе, сделали дальнейшее продвижение вперед трудно выполнимой задачей. Большие потери 8-й армии (за первые пять дней до 16 тыс. чел.) предопределили необходимость срочного введения в бой сил второго эшелона прорыва (4-й гвардейский стрелковый корпус). Ему ставилась задача выйти к Неве у пос. Анненское. Продвинувшись на расстояние около 10 км, корпус исчерпал свои силы и не смог достигнуть Невы. Проведя перегруппировку, командование Волховского фронта 9 сентября бросило в наступление 2-ю ударную армию. Однако и она, понеся большие потери, не выполнила поставленной задачи.

К этому времени у Ленинградского фронта был разработан новый план операции по нанесению встречного удара. Вновь внимание возвращалось к району Дубровки. Главный удар должна была нанести Невская оперативная группа (НОГ) на синявинском направлении с целью соединения с войсками Мерецкова. Силы, выделенные для наступления, состояли из двух стрелковых дивизий, одной стрелковой бригады и 3-х батальонов легких танков. Плотность артиллерийского огня – 70 орудий на километр фронта; к прикрытию с воздуха привлекались ВВС Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота. Расчет операции – 3 дня. Начало – 9 сентября, во второй половине дня³¹.

Начавшийся прорыв Невской оперативной группы навстречу Волховскому фронту, равно как и все предыдущие, не принес решающего успеха. Советским соединениям ценой невероятных усилий удалось захватить лишь небольшой плацдарм на левом берегу Невы, но дальнейшее наступление натолкнулось на уничтожающий вражеский огонь и вскоре захлебнулось. В одном из документов Военного совета Ленфронта отмечалось, что противник, изначально имевший на восточном берегу Невы 227-ю пд (но в дальнейшем усилившийся за счет армии Манштейна. – М.М.), оказывал НОГ сильное сопротивление. Изучая тактику действий наших войск, вражеское командование меняло и свое поведение. Днем на переднем крае обороны немцы оставляли лишь небольшие подразделения, тогда как главные силы укрывались от советского огня в ближайшей глубине. В момент нашего наступления германская сторона, не дожидаясь окончания форсирования реки, наносила мощные артиллерийские и воздушные удары по переправочным средствам. Против захваченного плацдарма немедленно проводилась короткая, но мощная контратака с целью сбросить советских бойцов в реку³².

³¹ Там же, л. 72–79.

³² Там же, л. 84 – 95.

Немецкое верховное командование осознало, что его собственная операция может быть поставлена под вопрос, поэтому Гитлер приказал Манштейну в срочном порядке взять на себя руководство сражением. Бывший фельдмаршал вермахта вспоминал, что к тому времени «стало ясно, что советская сторона, используя крупные силы, организовала наступление с целью прорыва блокады Ленинграда; этим наступлением противник, очевидно, хотел упредить наше наступление. 4 сентября вечером мне позвонил Гитлер. Он заявил, что необходимо мое немедленное вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен был немедленно взять на себя командование этим участком фронта и энергичными мерами восстановить положение. Действительно, в этот день противник в районе южнее Ладожского озера совершил широкий и глубокий прорыв занятого незначительными силами фронта 18 армии... И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось “сражение южнее Ладожского озера”... Прежде всего, нужно было остановить продвижение противника имеющимися под руками силами нашей 11-й армии»³³.

Ожесточенные схватки вели к большим потерям с обеих сторон. Некоторые советские дивизии теряли в день по 500 чел. Подход свежих немецких дивизий и их быстрое введение в бой решили исход дела. Германские контрудары заставили советские соединения перейти к обороне, а затем начать отступление. К 20 сентября немецкие части охватили район советского прорыва на Волховском фронте и готовили разящие удары под основание выступа. На следующий день они начали свою атаку и быстро добились успеха, окружив 25 сентября большую часть сил 2-й ударной и 8-й армий в районе Гайтолово. Германская авиация постоянно висела в воздухе. Она волнами заходила над позициями Красной Армии, не давая советским бойцам поднять головы. Анализируя ситуацию, Э. Манштейн отмечал, что советское наступление удалось остановить только в результате напряжения всех сил. “После сосредоточения прибывших к этому времени остальных дивизий армии, — вспоминал он, — штаб мог начать решающее контрнаступление. Контрнаступление было организовано с севера и юга, из опорных пунктов уцелевшего фронта, чтобы отрезать вклинившиеся войска противника прямо у основания клина. К 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника”³⁴.

Положение советских окруженных частей было чрезвычайно трудным, без поддержки извне им грозило полное уничтожение. Лишь благодаря остававшимся разрывам в линии немецкого кольца и переброски дополнительных резервов часть сил 8-й и 2-й ударных армий смогли избежать худшей участи и 29–30 сентября 1942 г. пробиться на восток. Особую роль в спасении окруженцев сыграли действия 73-й морской стрелковой бригады, удержавшей узкий коридор, ведущий к основному фронту в районе Тортолово. Однако потери советских войск были весьма высокими. Согласно докладу Мерецкова начальнику Генерального штаба от 10 октября, потери только убитыми и пропавшими без вести составили 4687 человек. Из окружения вышли 4684 человека 2-й ударной армии и 2610 человек из 8-й армии. По немецким данным, в плен попало около 12 тыс. советских бойцов, было захвачено много единиц техники и вооружения³⁵. Ставка ВГК, осознав, что дальнейшее продолжение операции по деблокаде Ленинграда ни к чему не приведет, 3 октября приказала перейти к обороне и прочно закрепиться на занимаемых позициях.

К 10 октября в основном закончилась и операция Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Ситуация в районе Московской Дубровки изначально осложнялась тем, что немцы еще в апреле сумели очистить от советских войск знаменитый “Невский пятачок” на левом берегу реки. Захваченный первый раз еще в сентябре 1941 г., этот советский плацдарм представлял собой небольшой участок земли вдоль обрывистого, высокого берега реки, шириной до 2-х км и в глубину 500–600 м. Он про-

³³ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999, с. 300–301.

³⁴ Там же, с. 301.

³⁵ Сяков Ю.А. Указ. соч., с. 92–93. См. также: Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы: 1942 год, т. 16 (5–2). М., 1996, с. 409.

стреливался со всех сторон ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Враг не раз пытался скинуть бойцов Красной Армии в реку. Потери с обеих сторон были очень большими. Всю зиму 1941/1942 г. на плацдарме шли позиционные бои. К апрелю 1942 г. плацдарм оборонял 330-й стрелковый полк 86-й сд, он держал оборону по фронту 3,8 км. 24 апреля 1942 г. на р. Неве начался ледоход, который отрезал полк от правого берега. Противник воспользовался этим и после ожесточенных боев 29 апреля, расчленив боевые порядки полка, вышел к Неве. Связь с плацдармом окончательно прервалась. В живых остался только начальник штаба полка, майор Александр Соколов, который, будучи мастером спорта по плаванию и чемпионом Приволжского военного округа, сумел, несмотря на ранение, переплыть холодную Неву.

26 сентября 1942 г. войска Невской оперативной группы в составе 70, 86-й сд и 11-й стрелковой бригады снова овладели плацдармом на левом берегу р. Невы в районе д. Арбузово и Невской Дубровки. Однако развить наступление советскому командованию враг не дал. Потери наших частей только до конца сентября составили здесь около 10 тыс. чел. Ситуация не изменилась даже после того, как на “Невский пятачок” было переправлено 26 танков³⁶. Враг имел подавляющее превосходство в воздухе и подвергал плацдарм непрерывному обстрелу артиллерии и минометов. 5 октября 1942 г. Ставка ВГК приказала операции Невской оперативной группы прекратить и отвести основные силы на правый берег Невы.

Оставшиеся на плацдарме бойцы и командиры тем не менее продолжали вести борьбу за него вплоть до прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г. За мужество и героизм, проявленные при форсировании р. Невы и захват плацдарма, 70 сд была первой на Ленинградском фронте переименована в 45 гвардейскую сд. Одна из рот 329 стрелкового полка этой дивизии вошла в историю обороны Ленинграда, как полностью орденоносная – все 114 человек ее личного состава награждены орденами и медалями.

“Невский пятачок” наши части удерживали около 400 дней. Этот небольшой участок земли стал одним из символов героизма советских воинов, отстоявших город на Неве. Многие тысячи защитников плацдарма погибли, но не сдали своих боевых позиций. В январе 1943 г. войска расположенные на плацдарме оказали существенную поддержку главным советским силам, наконец-то разорвавшим вражеское кольцо в ходе операции “Искра”.

Попытки деблокировать Ленинград в ходе Синявинской операции стоили большой крови. По опубликованным данным, потери Ленинградского и Волховского фронтов, частей Балтийского флота и Ладожской военной флотилии с 19 августа по 10 октября 1942 г. составили 113 674 человек, из них 40 085 безвозвратно³⁷. По данным оперативного отдела штаба группы армий “Север”, в период проведения войсками Волховского фронта Синявинской наступательной операции с 28 августа по 30 сентября потери немецких войск составили 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых. Из этого числа 172 офицера и 4721 солдат были убиты. Наибольший урон понесли подразделения пехоты и военно-инженерные части³⁸.

Немцы смогли удержать захваченную под Ленинградом территорию и нанести Красной Армии большой урон, который значительно превосходил их собственный. Блокада Ленинграда не была прорвана, но и командованию вермахта не удалось выполнить свою главную задачу – захватить город и соединиться с финскими войсками. Добавим, что группе армий “Север” не удалось перебросить какие-либо резервы на южный фланг Восточного фронта. Более того, решение Гитлера перебросить после захвата Севастополя 11-ю армию Манштейна не на Кавказ или в направлении Сталинграда,

³⁶ *Мощанский И.Б.* Прорыв блокады Ленинграда. Эпизоды великой осады. 19 августа 1942 – 30 января 1943 года. М., 2010, с. 68–83.

³⁷ Россия и СССР в войнах XX века..., с. 312.

³⁸ *Сяков Ю.А.* Численность и потери германской группы армий “Север” в ходе битвы за Ленинград (1941–1944 гг.). – Вопросы истории, 2008, №1, с. 134.

а под Ленинград, способствовало ослаблению германского натиска на юге России, что, в конечном итоге, стало одной из причин поражения вермахта на берегах Волги и в предгорьях Главного Кавказского хребта.

Ошибки и просчеты в проведении Синявинской операции, среди которых выделяются отсутствие необходимой координации действий Волховского и Ленинградского фронтов, неумелое введение в бой танковых частей, слабое знание уязвимых мест вражеской обороны (за что несет ответственность фронтовая разведка), ненадежная связь и, конечно, неспособность обеспечить господство в воздухе советской авиации, очевидны. Необходимо добавить к этому и имевшее место плохое управление войсками со стороны ряда военачальников, их нежелание считаться с потерями во время фронтальных атак. На участках прорыва не было создано подавляющего превосходства в артиллерии, хотя по общему количеству орудий советские войска превосходили противника в два раза. Отсутствие у наших генералов гибкости и смекалки в принятии решений вело к запоздалым приказам о перенесении направлений ударов. В последующий период – во второй половине 1942 г. – командование РККА занялось активным изучением и исправлением допущенных ошибок, что обеспечило более целенаправленное планирование и тщательную подготовку к прорыву кольца вокруг Ленинграда, происшедшему уже в январе 1943 г.

* * *

К середине ноября 1942 г. германскому командованию пришлось признать, что его грандиозный план сокрушения Советского Союза в новой кампании близок к полному краху. Первостепенная задача захватить Кавказ и Сталинград оказалась не выполненной. Оставалась несбыточной мечта Гитлера триумфально войти в Москву и оккупировать центральный промышленный регион СССР. Однако ни союзники СССР, ни командование вермахта не смогли до конца распознать тот глубинный ресурс – политический, военный, моральный, которым обладала Красная Армия, и сделать правильные выводы о ее боевых возможностях. Поэтому таким шоком для них стало мощное советское контрнаступление в междуречье Дона и Волги, которое привело к окружению почти 300-тысячной германской группировки под Сталинградом, а затем и к быстрому изгнанию немцев с Северного Кавказа, Ставрополя и Кубани.

Данные советской разведки позволяли сделать вывод, что враг на южном фланге близок к истощению. Генштаб РККА уже давно задумывался над тем, как переломить ход войны в свою пользу. Разработка планов по разгрому германских группировок, рвущихся на Сталинград и Кавказ, началась в сентябре 1942 г., что вылилось, в конечном итоге, в замысел “планетарного” масштаба. Планеты солнечной системы, Уран и Сатурн, дали название операциям Красной Армии на южном направлении, тогда как Марс и Юпитер – на центральном. В начале 1943 г. на северо-западном направлении планировалась еще операция “Полярная звезда”.

К середине ноября свежие войска перебрасывались к Сталинградскому, Юго-Западному и Донскому фронтам, которые завершали подготовку наступления на своих участках. Штаб вновь созданного в конце октября 1942 г. Юго-Западного фронта под командованием генерала Н.Ф. Ватутина в глубочайшей тайне готовил свои директивные документы. В них отмечалось: «Основной замысел операции “Уран” – окружение и разгром немецких войск, действующих в Донской излучине и на Сталинградском направлении. Ближайшей задачей Юго-Западного фронта является разгром 4-й румынской армии, выход в тыл сталинградской группировки немецких войск и окружение их с целью последующего уничтожения во взаимодействии с войсками Сталинградского и Донского фронтов»³⁹.

Сегодня мы знаем, что эта задача была блестяще выполнена с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г., тогда как судьба операций “Марс” и “Юпитер” долгое время оставались за пределами всестороннего рассмотрения. Чем объяснить такое обстоятельство?

³⁹ ЦАМО РФ, ф. 232, оп. 590, д. 137, л. 39–40.

Фактом их нереализованности? Отчасти это так. “Сатурн” – создание капкана для вражеских войск на всем Северном Кавказе – был заменен “Малым Сатурном” в связи с угрозой деблокады немецкой 6-й армии. В связи с этим рухнула и надежда на быстрое выключение из войны Румынии “путем полного разгрома румынской армии”, на что, несомненно, надеялись во фронтовых штабах в конце 1942 г.⁴⁰ Нет пока точных данных о плане “Юпитер”, поскольку Ставка ВГК намеревалась ввести его в действие вслед за “Марсом”. Последнюю же операцию некоторые западные историки успели окрестить “самым большим поражением маршала Г.К. Жукова”⁴¹. В отечественной историографии она известна также как вторая Ржевско-Сычевская операция, проведенная с 25 ноября по 20 декабря 1942 г. с первоочередной целью исключить переброску немецких резервов под Сталинград.

Замысел и осуществление этой операции требуют отдельного научного анализа. Стоит лишь заметить, что ко времени ее разработки предыдущее наступление Красной Армии на этом направлении уже выдохлось, тогда как Ставка по-прежнему стремилась ликвидировать ржевский выступ. К 12 октября 1942 г. планы по окружению там германских войск были в основном подготовлены командованием Западного и Калининского фронтов. Казалось, напрашивается вывод: обе операции – “Уран” и “Марс” – были задуманы и проводились как единое целое, т.е. в своей совокупности они были призваны резко изменить стратегическую обстановку на советско-германском фронте и, возможно, уже в 1943 г. полностью разрешить вопрос о поражении Германии в войне с Советским Союзом. Но следует иметь в виду, что Кремль отдавал себе отчет в том, что без открытия союзниками второго фронта в Европе говорить о скором поражении Германии преждевременно. К тому же операцию “Марс”, как уже было сказано, хотели начать еще в октябре 1942 г., чему помешали погодные условия. Все это говорит о том, что советское командование стремилось как можно скорее сковать германские войска на западном направлении, но отнюдь не рассматривало операцию “Марс” как равнозначную “Урану”. Наконец, для того, чтобы с большей надежностью исключить переброску немецких резервов с центрального участка на юг, советская разведка 4 ноября 1942 г. через агента-двойника “Макса” (А. Демьянова) подбросила “информацию” о том, что главный удар по противнику Красная Армия нанесет 15 ноября именно под Ржевом. Об этом пишет один из руководителей советской разведки П.А. Судоплатов⁴². Знал ли об этой “дезе” Г.К. Жуков – остается загадкой. Маловероятно, однако, чтобы Верховный и Генеральный штаб скрывали от Жукова подлинные цели операции.

В конце ноября 1942 г. войскам Западного и Калининского фронтов удалось на ряде участков вклиниться во вражеские позиции. Однако их судьба оказалась незавидной. Резервы противника решили исход дела не в пользу советских соединений, которые были вынуждены отступить, теряя людей и технику. Безвозвратные потери РККА в ходе второй Ржевско-Сычевской операции были чрезвычайно велики: 70,4 тыс. человек и 1366 танков⁴³. Однако “Марс” самым решительным образом способствовал успешному осуществлению “Урана”, не позволил немцам перебросить на юг сколько-нибудь значительные силы. Нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что советское руководство имело все основания опасаться осенью 1942 г. возобновления немецкого наступления на Москву. В этом отношении операция Западного и Калининского фронтов против Ржевского выступа была не просто оправдана, но и необходима. Вопрос же о том, имелись ли у Жукова реальные шансы добиться победы на западном направлении уже в конце 1942 г., носит больше виртуальный характер. Очевидно, что Сталин сделал ставку именно на операцию “Уран”, равно как и то, что операция “Марс” не стала вторым Сталинградом. Однако ясно и другое, что Жуков вместе с командующими

⁴⁰ Там же, д. 17, л. 4.

⁴¹ *Glantz D.M. Zhukov's Greatest Defeat. The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942.* Lawrence (Kansas), 1999.

⁴² *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996, с. 187–188.

⁴³ *Орлов А.С.* Операция “Марс”: различные трактовки. – Мир истории, 2000, № 4.

фронтами пытался осуществить самый решительный замысел по окружению и последующему уничтожению мощнейшей вражеской группировки. Но сделать это в то время не удалось.

1942 год по праву можно назвать переломным в ходе Великой Отечественной войны. Его начало пришлось на период контрнаступления Красной Армии под Москвой, завершение – на момент боев по уничтожению окруженных германских войск под Сталинградом. Но между этими двумя событиями советскому народу пришлось пережить страшные испытания, подойти к краю пропасти, но не потерять надежды и выстоять. Весной–осенью 1942 г. произошли кардинальные изменения в масштабах выпуска военной продукции, снабжении и подготовки новых формирований, усовершенствовалась структура Действующей армии. Более того, как писал американский журналист У. Керр, в тот отрезок времени “набирали силу постоянно действующие факторы, которые были неподвластны немецкому солдату, армии, с которыми и высшее германское командование тоже ничего не могло поделать. И в растущей степени все определялось одним: немцы воевали на чужой земле, далеко от своего дома, тогда как русские защищали свой порог и все то, что составляло их жизнь, что было для них главным в жизни, ее смыслом... Русский же солдат четко знал, что его Родина подверглась нападению... И выбор у него был невелик – принять рабство или дать отпор врагу. Он избрал второй вариант”. Красная Армия училась воевать. “Русские, – продолжает У. Керр, – отступая перед превосходящими силами вермахта и в то же время контратакуя, в первую очередь полагались на пехоту и артиллерию, которые составляли сильный элемент их вооруженных сил... использовали те или иные преимущества местности, на них работала погода, сложности жизнеобеспечения вражеских вооруженных сил в такой громадной по территории стране”⁴⁴. Но за науку эту была заплачена страшная цена. Только безвозвратные потери Вооруженных Сил СССР в 1942 г. составили 3,25 млн. человек – больше чем за любой другой год войны⁴⁵. После Сталинграда Советский Союз доказал свое право быть победителем. Однако сроки окончания войны зависели не только от него. Союзники пока не спешили открывать второй фронт. Впереди предстоял еще годы испытаний, борьбы с раненым, но все еще смертельно опасным противником.

⁴⁴ Керр У. Русская армия. – Живая память. Великая Отечественная: правда о войне, в 3-х т., т. 2. М., 1995, с. 35–37.

⁴⁵ Россия и СССР в войнах XX века..., табл. 133.